

Печатаніе номера начато въ 6 час. утра.

Все статьи и извѣстія, доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью и адресомъ автора, иначе онѣ не будутъ напечатаны.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ и воскресныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА СВЕРНУЮ ПЧЕЛУ СЪ ПОСРЕДНИКОМЪ 1861 ГОДА.

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
въ С. Петербургъ, безъ доставки	12 р.	7 р.	3 р. 75 к. сер.
» » съ доставкою	15 »	8 » 50 к.	4 » 50 » »
Съ пересылкою въ города	16 »	9 »	5 р. сер.

Отдѣльные номера Свѣрной Пчелы продаются по 10 к. сер. за номеръ.

СВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Статьи, признанныя редакціею не подлежащими, сохраняются въ редакціи четыре мѣсяца, а потомъ уничтожаются.

Библиографическія объявленія, для напечатанія въ Свѣрной Пчелѣ, принимаются въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18-й и 19-й.

№ 4.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

1861.

ЧЕТВЕРТОКЪ, 3-го Января.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи Свѣ. Пчелы, на Мойкѣ, подлѣ Почтальонскаго мостика, въ домѣ А. ст. сов. Греча, № 90-й, и въ книжномъ магазинѣ: гг. М. О. Вольфа, Я. Исаксона, Давыдова, Лермантова и пом. и Ратанова; въ Москвѣ, у Г. О. Свѣшниковъ и у Н. В. Базунова; въ Варшавѣ, у В. М. Истомкина. — Въо-городные благоволятъ адресоваться прямо въ Контору Редакціи. Контора открыта съ осьми часовъ утра до пяти часовъ пополудни.

ЗАМѢТКИ КИРГИЗА О КИРГИЗАХЪ.

(Статья хаджи Мухаммедъ-Салиха Бабаджанова *).

Ставка при Нарынъ-Пескахъ, во внутренней Виргизской орды.

2-го декабря 1880 года.

Скоро ожидаемъ возвращенія Карла Ивановича. Отъ повезъ къ новому генералъ-губернатору очень много проектовъ и представлений по дѣламъ нашей орды. Проекты эти преимущественно касаются управленія ордою и основанія мѣста для главнаго управленія, т. е. временнаго совѣта орды. Онъ до сихъ поръ находился въ ставкѣ, которую основалъ еще покойный ханъ Джангерь. Въ настоящее время эта ставка занята нарынскимъ пескомъ такъ, что въ ней очень трудно жить. Переносъ ставки у насъ теперь одинъ изъ саможивотрепещущихъ вопросовъ. Чѣмъ онъ рѣшится, неизвѣстно. Имъ очень интересуются и чиновники, здѣсь служащіе, и киргизы, ибо отъ болѣе удачнаго выбора мѣста для ставки будетъ зависеть болѣе вѣрное достиженіе выгоды ордынцевъ путями управленія, развитія умственныхъ способностей народа и торговли. До прошлаго года объ этомъ вѣдалъ только секретная переписка у председателя совѣта, а съ пріѣзда и назначенія на эту должность Карла Ивановича, оно сдѣлалось извѣстнымъ почти каждому киргизу. Признаться, мы нисколько не обрадовались, когда узнали, что выборъ бывшихъ до Карла Ивановича председателей падать на мѣста, далеко несоотвѣтствующія выгодамъ орды и управленія. Объ этомъ нужно бы было поговорить съ вами много; но я оставляю это до другаго письма, къ которому

* Авторъ этого письма, совѣтникъ временнаго совѣта управленія Внутреннему (Букевскому) киргизскому ордою, хорунжий и кавалеръ, хаджа Мухаммедъ, Салихъ Карауловичъ Бабаджановъ, получивъ образованіе въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ корпусѣ и въ первые годы дѣйствительной службы этотъ потомокъ Мухамеда (пророка) носилъ военную казачью форму, но съ назначеніемъ въ настоящую должность облекся въ народный халатъ и живетъ совершенно на киргизскую ногу въ степи, въ ставкѣ при Нарынъ-Пескахъ, въ зоволяской сторонѣ Астрханской губерніи; прочее, съ усвоенными привычками европейской жизни и съ просвѣщеннымъ взглядомъ вообще на жизнь г. Бабаджановъ не разстался, хотя въ душѣ онъ — твердый мусульманинъ.

Въ бытность въ Петербургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, г. Бабаджановъ предоставилъ мнѣ право распоряжаться его письмами по собственному моему усмотрѣнію.

Одно изъ этихъ писемъ, именно послѣднее, мною полученное отъ 2-го декабря, считаю за должъ сдѣлать достояніемъ гласности и интересомъ его содержанія не могу не подѣлиться со всѣми любознательными людьми.

II. Небольшие.

намѣренъ приложить планъ Внутренней орды, съ обозначеніемъ кочевокъ cadaго рода, новаго раздѣленія орды на части и свойства земли, занимаемой ордою. По плану этому намъ будетъ легче объяснять условія жизни и характеръ киргизовъ въ разной части. До того времени и я еще не приступаю къ описанію, т. е. къ ознакомленію васъ съ разными обычаями и правами нашихъ киргизовъ.

На этотъ разъ я ограничусь объясненіемъ состоянія въ ордѣ грамотности и предѣловъ нравственнаго образованія, начать это будемъ краткими описаніемъ хода ихъ со дня появленія у киргизовъ. До 1801 года киргизамъ нашимъ слово «письмо», было совершенно непонятно; оно представлялось имъ какимъ-то баснословнымъ дѣйствіемъ, какъ, напримеръ, пареніе въ воздухѣ. Съ этого времени, т. е. съ перехода на эту сторону Урала, у насъ стали понимать, что письмо — не мѣть, и что въ иныхъ случаяхъ оно могуще-ственное словеснаго выраженія желанія. Пониманіе это произошло оттого, что когда бывшіе наши ханы получали откуда нибудь бумагу, то въ ней заключалось всегда какое нибудь извѣстіе или новость. Въ слѣдствіе письма отъ хана происходили какія нибудь распоряженія, касавшіяся или многихъ, или немногихъ ордынцевъ. Требованія сосѣднихъ русскихъ начальствъ, не смотря на отговорки киргизовъ и на проволочку, не забывались, а повторялись опять по прошествіи нѣкотораго времени. Вообще же всякое важное отъ начальства порученіе, награда или какая другая милость или повелѣніе, передавалось на письмѣ. Такимъ образомъ, письмо и бумага дѣлаю очень много въ народѣ шуму и толковъ. Всѣ, даже самъ всемогущественный ханъ, не могли не повиноваться письму. Это доказало киргизамъ силу грамотности. Потому они видѣли, что при ханѣ и при родоправителяхъ есть люди грамотные, которые пользуются почетомъ и содержатся ближе другихъ къ этимъ начальникамъ. Кромѣ этого, между киргизами стали появляться какіе-то татары-муллы, которые, объясняя правила магометанской религіи, ссылались на письмо въ подтвержденіе истинны своихъ словъ. Объ этихъ, или вообще о муллахъ, киргизы имѣли понятіе и за Ураломъ, но тамъ они были рѣдки и не такъ замѣтны. Муллы эти, какъ учителя правотворія, пользовались почетомъ: ихъ вездѣ угощали до сыта, дѣлали имъ приношенія и слова ихъ принимались безпркословно. Они и сами постарались развить между киргизами вѣру въ превосходство ученія словъ благогогого корана, и киргизы, видя приѣзжъ на муллахъ, шисьмоводителяхъ, что ученость и грамотность придаетъ человѣку почетъ въ обществѣ, приносятъ подалія въ пуждѣ и кормятъ лучшимъ кускомъ послѣ начальническихъ лицъ, стали понимать и пользу грамотно-

сти. Когда же такимъ образомъ киргизамъ стала понятна и сила и польза ученія, они начали призывать къ себѣ муллъ, въ качествѣ домашнихъ учителей. Конечно, это дѣлали сначала богатые, такъ сказать, передовые люди того времени, а средняго и бѣднаго состоянія люди отдавали своихъ мальчиковъ къ этимъ мулламъ. О русской грамотѣ долго не было и помину. Впрочемъ, до тридцатыхъ годовъ и муллъ бывало очень мало. Говорятъ, что когда нужно бывало по случаю смерти какого нибудь киргиза совершить надъ нимъ отходную молитву по магометанскому закону, то для отысканія гдѣ либо муллы, родственники умершихъ ѣздили за 50, 100 и 150 верстъ! Мнѣ сказывалъ одинъ киргизъ, что ему было лѣтъ двѣнадцать, когда онъ, нисколько поучившись грамотѣ, отсталъ отъ муллы. Однажды случилось, что вблизи его умеръ одинъ киргизъ. Родственники покойнаго, зная, что этого мальчикъ нѣкоторое время обучался у муллы, заставили его прослужить умершему отходную молитву. Онъ исполнилъ это далеко не въ точности и дѣло сошло тѣмъ съ рукъ: повѣрить было некому.

Такое состояніе невѣжества, я полагаю, должно отнести къ тому, что, для пріобрѣтенія познаній и грамотности, у киргизовъ въ то время были очень скудные средства. Вообще же, по понятіямъ народа, ученые никогда не отвергались; у насъ даже издревле составилась поговорка стариковъ: «Сына своего отдай или муллѣ, или въ общество». Тутъ, въ первомъ случаѣ подразумевается ученые у муллы, а во второмъ — приѣзжъ людей. Но, несмотря на это завѣтное изрѣченіе, мы долго оставались невѣждами, долго не могли найти учителей для необходимаго въ день пятикратнаго моленія, что составляетъ необходимый долгъ мусульманина. Вы, я думаю, не сомнѣваетесь, что въ душѣ всякій киргизъ есть магометанинъ суннитской секты, но этого не замѣчается между ними отъ нетвердаго знанія ими правилъ религіи и смѣшенія съ ними народныхъ обыкновений. Какъ ни старались и ни стремились киргизы къ обученію, по ученіе это шло чрезвычайно туго; ибо, въ первыхъ изъ этого не было достаточныхъ преподавателей, во-вторыхъ, оно отнимало время у мальчиковъ, которые могли бы смотрѣть за козлятами, ягпатами и телатами, и, въ-третьихъ, оно считалось самымъ труднымъ дѣломъ. Но немнѣло порожденныхъ и толковыхъ руководствъ къ изученію татарской грамоты (у киргизовъ, татаръ, персіанъ и арабовъ буквы и письмо — одно и то же, мальчики сжижали лѣтъ по 5-ти и болѣе за складами и не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многимъ вовсе: до сихъ поръ многіе ученики того времени, умѣя читать, не могутъ написать ничего. Трудность этого дѣла сравнивалась и нынѣ сравнивается съ трудностью

вырыть колодезь иглой! Этот взгляд на учение представлял его въ умахъ многихъ такую преградою, что перейти ее казалось невозможнымъ: не смотря на сознание потребности учиться, всякое стремление къ тому точно же уничтожалось при самомъ своемъ зарожденіи. Къ этому прибавьте еще жестокое и слишкомъ строгое обращеніе мурлы съ учениками и вы будете имѣть достаточное понятіе о медленномъ ходѣ въ ордѣ ученія и грамотности. Въ глазахъ мальчиковъ мурлы садились пугаломъ. Когда мальчики плачутъ или шалятъ, то матери и отцы для удержанія ихъ говорятъ: «мурла идетъ, или мурлы скажу!» Этого слова боятся мальчики даже по испытаннымъ жестокости мурлы. Вѣроятно, на нихъ дѣйствуетъ тонъ и выраженіе, съ которыми оно произносится родителями.

Для юного пониманія жестокости обращенія мурлы съ дѣтьми, я опишу здѣсь одинъ день занятій ихъ дѣтьми отъ шести до четырнадцати-лѣтняго возраста.

Утромъ, какъ только солнце взойдетъ въ дереву вышнюю (киргизы говорятъ въ арканъ, т. е. 13 саж.), мальчики, вставъ со сна, должны отправиться къ кибитку или джумейку мурлы. Войдя туда, онъ останавливается у порога кибитки, почтительно складываетъ на грудь обѣ руки и произноситъ громко: «ассаламо-галлякъъ». * Потомъ идетъ къ мурлѣ и садится на колѣни противъ него шагахъ въ полтора или двухъ. Затѣмъ беретъ тетрадь или книгу и начинаетъ читать вслухъ заданный ему вчера урокъ. Приходить другой, третій и четвертый и т. далѣе ученики, и всѣ должны выдвигать тѣ же приемы, такъ же привѣтствовать учителя, садятся и читаютъ. Учитель, не вставая съ мѣста, привѣтствуетъ cadaго ученика «а-галлякъ-мо-ссаламъ». (и надъ тобою да будетъ благословеніе.) Изъ учениковъ составляется полукругъ передъ лицомъ учителя. При этомъ могутъ быть между учащимися и дѣвочки, къ которымъ въ обращеніи учитель выказываетъ одинаковую съ мальчиками строгость. До самой половины дня продолжается самое шумное и крикливое ученіе. Во временахъ, мурла покривается «громче!» и напуганные мальчики кричатъ что есть силы. Между тѣмъ, кто приготовилъ урокъ, тотъ выдвигается ползкомъ къ учителю и прочитываетъ по тетради свой урокъ. Если онъ выдержалъ экзаменъ хорошо, то ему задается новый урокъ; до выхода и по приходѣ, до отвѣта передъ учителемъ, мальчикъ можетъ о недоразумѣніяхъ спросить, указавъ на непонятное имъ слово или букву травкой, или спичей, отстроганной отъ щепки. Показывать пальцемъ не дозволяется, чтобы не замарать тетради. На начинающихъ учиться азбука пишется на небольшомъ

По-арабски: да будетъ надъ тобою благословеніе (Boskie)

лоскуткѣ бумаги, который вставляется нижнимъ концомъ въ раздвоенную палочку и вручается ученику для того, чтобы онъ отъ перетиранія въ руки не запачкалъ и не испортилъ азбуки. Во все время занятій мальчикъ долженъ смотрѣть только на тетрадь и читать громко; шалить или вставать съ мѣста и разговаривать съ товарищами строго воспрещается, подлѣ опасенія наказанія пощечиной, ударами кулака, топтаніемъ ногами и подобнымъ легкой нагайкой или небольшого прутка. Кромѣ этого, очень жестоко, до крови дерутъ за уши. Боже сохрани, если бы кто либо изъ учениковъ ошибся въ правилномъ произношеніи! Тогда мурла поправляетъ его выговоръ и если этотъ ученикъ перейметъ нескорю, то мурла беретъ его руки за языкъ и вертитъ такъ сильно, что у бѣднаго ученика выступать изъ глазъ слезы, а изо рта кровь. Это называется поправленіемъ языка, и на всѣ эти жестокости жаловаться не кому; ибо, по существующему повѣрью, тѣ мѣста на тѣлѣ, по которымъ билъ мурла, не будутъ горѣть и въ аду. Не смотря на любовь и лѣтнюю родителей, и они не защищаютъ своихъ дѣтей отъ побоевъ учителя. Напротивъ, отдавая симъ послѣднимъ учить дѣтей, говорятъ: «пусть мясо его будетъ ваше, а мѣтъ возвратите кости!» Если же родители особенно чувствительны къ дѣтямъ, то они все-таки не воображаютъ о возможности ученія безъ побоевъ и жестокостей и не смѣютъ защищать дѣтей передъ учителями, а только могутъ отказаться отъ ученія. Отъ этого, конечно, только что привлеченный къ ученію киргизъ, отходить еще далѣе отъ благотворнаго его вліянія и снова гибнетъ во мракѣ невежества. Вотъ трудности и препятствія, съ которыми киргизы борются на пути развитія!

Въ послѣднее время, начиная съ утвержденія на ханское достоинство Джангера Букеева, ученіе наше пошло гораздо быстрѣе и обширнѣе. Какъ по вліянію и содѣйствію этого хана, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, въ ордѣ стали сознавать потребность грамотности. Для поощренія учениковъ и обучающихся покойный ханъ не жалѣлъ ни денегъ, ни собственнаго старанія и внушенія ордынцамъ о пользѣ образованія. Въ ставкѣ своей онъ учредилъ школу, въ которой обучалось до 60 человекъ правиламъ магометанской религіи, русской грамотѣ и отчасти русскому языку. Школа эта существуетъ все еще въ ставкѣ подъ названіемъ «Джангеровской школы»; въ ней до 30 мальчиковъ содержится на счетъ ордынскаго хозяйственнаго капитала. Вообще можно, да и должно, сказать, что Внутренняя орда нравственною своею жизнью и развитіемъ умственныхъ своихъ способностей много обязана ханамъ Букее и Джангеру въ особенности. Первыи

* При этомъ, чтобы съ языка не сосклизнула рука, обвертываютъ ее полотенцемъ.

изъ нихъ вызвалъ изъ глубины степей нашихъ киргизовъ и привелъ на астраханскія земли, гдѣ киргизы подъ влияніемъ остѣлыхъ сосѣдей получили кроткій нравъ; второй собственнымъ примѣромъ усердія и рвенія къ ученію татарской грамоты, правиламъ ислама и русскому языку и письму доказалъ киргизамъ, что учиться никому неумизительно и никогда непоздно.

Ханъ Джангеръ особенною милостію и вниманіемъ отличалъ людей, занимающихся ученіемъ, то говелею или какимъ нибудь мастерствомъ. Мулы при немъ получали должностъ и званіе «указныхъ мудлы»: они обязывались обучать дѣтей, совершать обряды погребенія умершихъ и бракосочетанія и сѣднѣ за дачею новорожденнымъ киргизамъ приличныхъ именъ. (Надобно вамъ сказать, что имена у киргизовъ часто въ переводѣ и въ смыслѣ народной рѣчи имѣютъ самыя неприличные значенія. Мудлы эти, кромѣ того, пользуются привилегіей не платитъ подати со скота и избавляются отъ тысячнаго казненія. При Джангерѣ въ ордѣ въ значительномъ количествѣ появились татары, которые занимались или обученіемъ дѣтей татарской грамоты, или торговлей. Впрочемъ и то и другое киргизамъ оказало нѣкоторую пользу: въ первомъ случаѣ у насъ распространилась грамотность, въ последнемъ — киргизы, по примѣру ихъ нынѣ, хотя въ незначительномъ числѣ, занимаются торговыми оборотами. Умноженію въ то время въ ордѣ татаръ способствовало и то, что одна изъ умершихъ уже жепъ хана, бывъ сама татаркой по происхожденію, оказала имъ покровительство. Вообще же вліяніе татаръ на киргизовъ — вредное; ибо они, вмѣстѣ съ правилами ислама, передаютъ киргизамъ свои народныя суевѣрія и приучаютъ ордынецъ къ кляузамъ и мошенничеству. Я потому еще полагаю вліяніе и примѣръ татаръ вреднымъ, что они, при ужасномъ фанатизмѣ, въ продолженіе столь давняго съ русскими проживанія нисколько (говоря о большинствѣ) не ушли отъ своего грубаго, закостылаго невѣжества. Не дай Богъ, чтобы киргизы послѣдовали имъ въ этомъ! У русскихъ такъ много хорошаго, что мы готовы перенять то съ душевною радостью. У насъ еще одно вліяніе распространили татары: это — значительное употребленіе чая. Теперь почти половина орды пьетъ чай. Очень многимъ это нисколько не по недостатку: но что же дѣлать? обѣ этихъ и старикъ жалуютъ, да нельзя отстранить: «привычки». Достоинъ замѣчанія то, что киргизы 2-го прикаспійскаго округа, кочующіе близъ Каспійскаго узда. Астраханской губерніи, употребляютъ кирпичный чай. Это они привнесли отъ кочующихъ тамъ кундровскихъ и астраханскихъ татаръ, для которыхъ этотъ чай составляетъ необходимость. Кстати о кундровскихъ татаряхъ. Они, говорятъ, прежде были богачи-ско-

тороды, но въ послѣдствіи обѣднѣли отъ чрезвычайныхъ расходовъ на чай. Помня это, наши старіики очень безпокоятся, чтобы и насъ не постигла такая же участь. Въ тѣхъ же мѣстахъ по примѣру тѣхъ татаръ и въ окрестностяхъ сѣвѣ по примѣрамъ русскихъ распространяется начинаеи куреніе табаку и употребленіе горькихъ напитковъ. Вліяніе послѣднихъ для киргизовъ чрезвычайно пагубно; ибо они не знаютъ мѣры въ ихъ употребленіи и это почти всегда обращается имъ во вредъ. Что киргизы почти на половину нюхаютъ табакъ въ мось и сиздаина, это, я думаю, вамъ извѣстно. Я потому включилъ здѣсь слово «въ мось», что за Ураломъ я встрѣчалъ киргизовъ, которые нюхательный табакъ щепотками клали въ ротъ и это у нихъ называется тоже нюханіемъ. Извините, что я въ этомъ мѣстѣ привелъ очень много замѣчаній, неподходящихъ къ дѣлу, но это я сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы послѣ не позабыть вамъ сказать о нихъ.

Я остановился на томъ, что татары способствуютъ къ развитію грамотности. Далѣе, ханъ Джангеръ, когда въ Оренбургѣ образовалось Неплюевское военное училище, отправилъ туда для образованія трехъ мальчиковъ, именно султановъ Кучакъ-Галия Шигаева, Шамсидина Досказымова и Ходжу Куббулысына Караулова, отъ которыхъ не столько помогали этого образованія родители, сколько на то было желаніе хана. Досказымовъ не окончилъ курса и, возвратясь въ орду, до настоящаго поръ живеть здѣсь безъ всякаго значенія. Шигаевъ нынѣ состоитъ на службѣ въ чинѣ есаула и занимаетъ въ ордѣ весьма значительныя должности. Карауловъ, братъ мой, по окончаніи въ училищѣ курса наукъ, служилъ при ханѣ и въ послѣдствіи былъ правителемъ его канцеляріи; онъ умеръ въ 1844 году. Оба эти послѣдніе въ свою очередь много содѣйствовали въ ордѣ распространенію въ народѣ грамотности и русскаго образованія. Послѣ этихъ трехъ султановъ ханъ еще посылалъ въ то же училище дѣтей здѣшнихъ ордынцевъ и, чтобы къ поощренію другихъ показывать личный примѣръ, въ главѣ ихъ отправилъ своего сына, Зюлькарпейна, который умеръ, не успѣвъ окончить своего образованія. Изъ тѣхъ послѣднихъ дѣтей въ настоящее время въ ордѣ служатъ двое: одинъ совѣтникомъ временнаго совета, другой управляетъ 1-мъ окружномъ приморскихъ киргизовъ. Само собою разумѣется, что, испытавши на себѣ и вкусавши плоды просвѣщенія, и эти двое не упускали случая внушать и доказывать киргизамъ пользу пріобрѣтенія познаній. Въ это время уже почти у каждого зажиточнаго и вліятельнаго въ ордѣ человѣка образовались домашнія школы и въ каждой изъ нихъ обучалось отъ 10 до 70 человекъ. Ученіе всѣхъ заключалось въ правилахъ магометанской религіи, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ преподавалась и русская грамота и языкъ. Такъ какъ во всей Оренбург-

ской губерніи особенно славится хорошихъ преподаваніемъ правилъ ислама оди́нъ мулла Стерли-тамаи́скаго уѣзда, называемый «Ишаномъ», то ханъ посылалъ обучаться и къ нему одного изъ своихъ сыновей при нѣсколькихъ киргизскихъ мальчи́кахъ. Но этотъ сынъ хана, по имени Искендеръ, не до-жилъ до возмужалости, — умеръ. Изъ числа бы-вшихъ при немъ товарищей одинъ киргизъ но-гаева рода, по имени Айджарыкъ, оказался съ такими способностями, что совершенно исчер-палъ чашу тамошняго ученія до дна и, воз-вратившись домой въ аулъ, все еще искалъ возможности продолжать ученія. Родственни-ки его женили, но онъ, послѣ первой ночи, опять поѣхалъ къ Ишану учиться. Такъ какъ тамъ затруднялись его учить, то онъ отпра-вился въ Бухару, гдѣ довершивъ свое обра-зование, въ 1849 году возвращался въ ор-ду чрезъ Оренбургъ. Тамъ ему не позво-лили вѣхаться въ орду, какъ получившему обра-зование за границей, впрочемъ дозволили одинъ годъ прожить въ Оренбургѣ и велѣли вернуться въ Бухару. Между тѣмъ жена его, жившая все время съ примѣрно-добродѣтельными поведеніемъ, провела съ нимъ годъ въ Оренбургѣ. Потомъ мужъ уѣхалъ въ Бухару, а она вернулась въ орду. Въ настоящее время у ней есть прекра-сный мальчикъ, прижитый отъ мужа въ Оренбургъ. Я сама до сихъ поръ не хочу ни за кого выходить замужъ. Въ Оренбургѣ я видѣла Айджарыка, бывши еще кадетомъ, и онъ мнѣ ска-залъ, что изъ Бухары онъ возвратился послѣ 18-ти-лѣтія тамъ проживанія. Киргизамъ очень хорошо извѣстно, что онъ въ правилахъ религіи приобрѣлъ глубокія познанія и очень жалуютъ, что имъ нельзя пользоваться имъ. Кромѣ Айджарыка, примѣры отправленія киргизовъ въ Бу-хару очень рѣдки.

Мулла Айджарыкъ мнѣ особенно памятенъ по одному случаю. Въ Оренбургѣ одинъ татаринъ спорилъ со мной, что я, приписывая гро́мъ и молнію силѣ какого-то электричества, дѣлаю съ противнымъ правиламъ вѣры; ибо, по существую-щему повѣрію, облаками заведываетъ одинъ ан-гелъ, по имени Рагадъ, который повелѣваетъ и кричитъ на облака, чтобы они лили дождь, и при- этомъ отъ его кнута сыплются искры. На это я требова́лъ доказательствъ словами корана. Онъ ссылался на тамошнихъ муллъ изъ татаръ; но имъ я не довольствовался, а выбралъ Айджарыка, прозваннаго въ Бухарѣ «Камареддиномъ», луною вѣры. На это и татаринъ согласился. Когда мы вмѣстѣ спрашивали Камареддина о причинахъ грома и молніи, то онъ сказалъ намъ самымъ крот-кимъ и убѣдительнымъ голосомъ: «Господи! въ Бухарѣ и вообще я обучался правиламъ вѣры, которыя направляли меня къ истинному служе-нію Богу. Объяснять вамъ физическія явленія я не могу: это дѣло астрономовъ. Дѣло муллъ

наставлять къ правильному почитанію и служе-нію Богу. Но я слыжалъ, что астрономы объ-ясняютъ и приписываютъ это явленіе взаимному тренію и разрыванію облаковъ.» Татаринъ былъ принужденъ сконфузиться за нелѣпость своего спора.

Я опять уклонился отъ предмета нашей бесѣды.

Въ 1840-хъ годахъ уже нѣкоторые киргизы, преимущественно почетные, стали посылать своихъ дѣтей для обученія въ г. Астрахань, которая создала для орды нѣсколько грамотныхъ по-русски людей. Но Астрахань, не смотря на близкое соосѣдство къ намъ, не могла оказать и до сихъ поръ благотворнаго вліянія на развитіе наше. Тѣ, которые тамъ обучались, нанимали частныхъ учителей, что, вмѣстѣ съ содержаніемъ, стоило весьма дорого, и ученые не могли пойти далеко. Къ начальству тамошнему наши киргизы не имѣютъ никакихъ прямыхъ отношеній; въ го-родѣ хотя бываютъ осенью и зимою киргизы въ довольно значительномъ числѣ, но—по самой необ-ходимой надобности (для покупки хлѣба и дру-гихъ товаровъ) и то стараются скорѣе уѣхать, ибо тамъ избалованные жители забрасываютъ кир-гизовъ камнями, а армяне и татары обижаютъ ихъ самымъ кощунственнымъ и бешеловѣчнымъ образомъ. Къ тому же, примите въ соображеніе, что Астрахань по своей отсталости еще и сама не можетъ служить наставницей. Не знаю, какова она теперь, но годъ за три предъ симъ въ ней незамѣтно было никакого прогрессивнаго стремле-нія. Уралыцы, снывавшіе предѣлами своей земли съ ордою на 500 верстъ, въ продолженіе 60-ти лѣтъ своего соосѣдства не могли дать для орды болѣе пяти человекъ грамотныхъ людей, т. е. выучить нашихъ же читать и писать по-русски.

Я пропустилъ—было трудности дороги изъ орды въ Астрахань: тутъ киргизъ долженъ переѣхать множество рукавовъ Волги, на которыхъ пере-возныя лодки существуютъ въ самомъ плачев-номъ состояніи, на которыхъ рискуешь переоло-миться себѣ шею или лошади ногу, а плата—самая тягостная, въ особенности чрезъ р. Ахтубу и Бузанъ. Между этими рукавами кочуютъ калмы-ки и кундровскіе татары, которые грозятъ кир-гизамъ лишеніемъ жизни для ограбленія прого-наемаго въ Астрахань скота, а на обратномъ пу-ти—денегъ или купленныхъ вещей. Отъ этой опасности намъ киргизъ скорѣе готовъ вѣхаться за чѣмъ нибудь одинъ за 900 верстъ въ Оренбургъ, чѣмъ за 150 верстъ впятую. Туда обыкновенно отправляются, собравшіеся большими партіями. Это—обстоятельство, оставляетъ Астрахань отъ насъ въ замкнутомъ положеніи: въ такомъ же почти положеніи остаются отъ насъ и приволжскія селенія русскихъ крестьянъ, начиная отъ Астра-хани до г. Царева. Между ними и границею киргизскихъ земель имѣлись тоже калмыки,

которые, вмѣсто способствованія нашимъ къ со-общенію съ крестьянами, прергаждаютъ путь во-ровствомъ, грабежомъ и отнятіемъ. Съ сѣвера орда граничитъ Новоузенскимъ уѣздомъ, съ юга приморскими рыболовными промыслами князя Юсу-пова и графа Безбородки-Кушелева, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ обитаютъ страшные мужики. Киргизамъ у нихъ учиться нечему.

При такихъ средствахъ орды къ развитію, по-терять всякую надежду на содѣйствіе сосѣдей, ханъ Джангеръ старался усилить образованіе ор-динцевъ внутри земли ихъ и открылъ един-ственный источникъ въ этомъ родѣ въ Орен-бургѣ, гдѣ въ учрежденный Неплюевскій кадет-скій корпусъ разрѣшено начальствомъ прини-мать изъ нашей орды 10 мальчиковъ во 2-мъ эскадронѣ, или азіатскомъ отдѣленіи онаго. По-этому въ 1845 году ханъ обращался къ по-четнымъ лицамъ орды объ отдачѣ сыновей въ оренбургскій корпусъ. Но въ то время наши со-общенія съ Оренбургомъ были очень рѣдки и онъ казался для нашихъ киргизовъ недоступною далью. Это было причиною того, что родители не вдругъ согласились на отдачу дѣтей въ кор-пусъ. Преимущественно противъ этого возраста-ли матери, которыя, судя по жестокости обхо-жденія при ученіи мусульманскихъ муллъ, боялись, что русский мулла можетъ совсѣмъ заморить дитя. Къ тому же, тогда было сухо, что ученикъ у русскихъ не долженъ сидѣть во время занятій и, чтобы онъ не развлекался по сторонамъ, кругомъ головы его обставляли острыя шилья, которыя при малѣйшемъ движеніи могутъ уко-лотъ невнимательнаго ученика. У хана въ то время одинъ сынъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ. Примѣръ нахождения его тамъ тоже не могъ побѣдить въ матеряхъ страха отъ русскихъ муллъ: онѣ полагали, что ханскій сынъ потому можетъ существовать при русскомъ ученіи, что ему, какъ сыну важной особы, дѣлаютъ тамъ осо-бенное снисхожденіе. Ханъ нашелся принужден-нымъ еще однимъ сыномъ пожертвовать орен-бургскому корпусу, посылая его въ главѣ осьми мальчиковъ изъ дѣтей почетныхъ ординцевъ. Я говорю потому: пожертвовать, что ханъ имѣлъ возможность и этого сына воспитывать въ Петер-бургѣ и сознавалъ превосходство тамошняго обра-зованія предъ оренбургскимъ, въ Оренбургѣ же послѣ этого рѣшился послать его только для поощренія примѣромъ. Въ числѣ послѣднихъ девяти мальчиковъ находился и я.

Мы воспитывались въ жангеровской школѣ, которая какъ тогда, такъ и нынѣ считается въ родѣ приготовительнаго класса для кадетскаго корпуса. Однажды вечеромъ насъ позвали къ хану и предварили, что онъ будетъ выспраши-вать наше желаніе о поступленіи въ корпусъ. У хана было приготовлено для насъ угощеніе, сооб-разное съ нашимъ возрастомъ. Онъ принялъ насъ

очень ласково и спрашивать о желаніи. Наперерывъ одинъ передъ другимъ мы изъявляли согласіе и готовность. Послѣ этого ханъ роздалъ намъ горстями мелкихъ серебряныхъ монетъ и отпустилъ. Это было зимою въ началѣ 1845 г. Потомъ мы узнали, что лѣтомъ въ полѣ насъ отирають въ Оренбургъ. Съ наступленіемъ канникулнаго времени, считающагося съ 1-го мая по 1-е октября, мы разѣхались по домамъ, съ тѣмъ, чтобы къ первому іюля собраться на лѣтнюю кочевку хана на р. Торгунъ. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ, но я хорошо помню наше отправленіе въ Оренбургъ. Оно было торжественно. Самъ ханъ съ почетной свитой своей и ссравшившимся къ тому времени киргизами, въ числѣ 80 человекъ, выѣхали провожать насъ. Протѣхавъ версты пять, остановились всѣ, и насъ привели къ хану, который, равно какъ и всѣ прочія бывшія тутъ лица пожелали намъ добраго пути. Слѣзъ здѣсь было достаточно и со стороны мальчиковъ, и со стороны провожаншихъ. Я не плакалъ, потому что изъ своего дома выѣхалъ давно и въ числѣ провожаншихъ не было близкихъ мнѣ родныхъ. Мать моя, провожая меня изъ дома, плакала горько и уговаривала не ѣхать. Только благодарная воля отца и мое собственное желаніе были причиною того, кѣмъ меня теперь видите. Не смотря на горестъ подобной разлуки, на трудность ученія въ ордѣ, но энергическому напращленію хана Джангера, воспитаніе дѣтей въ послѣдніе годы жизни его у киргизовъ было самымъ моднымъ и общимъ занятіемъ. Только по недостатку способностей обучаться по-русски, все старшіе киргизы обратились на образованіе себя въ знаніи правилъ вѣры. Едва ли не приходило въ то время на каждыя 25 кибитокъ по одному мullahъ и медресе. У нѣкоторыхъ дѣти стали посылаться и въ Казань, но все чаще ѣздили въ Стерлитамакій уѣздъ къ Ипану, для поклоненія и учения. Такъ въ деревнѣ Стергибашевой есть родъ магометанскаго монастыря, гдѣ постоянно проживають отъ 300 до 700 человекъ учащихся и поклонниковъ, проживають отчасти на свой счетъ и отчасти на счетъ пріишошей другихъ.

Ханъ жилъ чрезвычайно величаво, развилъ вкусъ у своихъ подчиненныхъ; постоянно добывая вещи и изобрѣтенія цивилизованнаго круга людей и все это показывая киргизамъ, приобщая ихъ ко всему лучшему и полезному, и совершенно убѣдилъ, что, кромѣ существованія въ ордѣ, есть еще лучшая и прочная жизнь, и производилъ ихъ въ города. Два или три раза отправлялся въ Петербургъ, Оренбургъ, Москву, Астрахань и Саратовъ, онъ забиралъ съ собой значительную свиту изъ киргизовъ, чтобы тамъ нагляднымъ образомъ познакомить ихъ съ лучшимъ бытомъ, обратить вниманіе на качество и улучшеніе костюмовъ и чистоту въ домахъ; завелъ въ ставку слесар-

ныхъ, столярныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, у которыхъ учениками были киргизы; хотѣлъ приучить киргизовъ къ хлѣбопашеству и съ этою цѣлю предлагалъ бѣднымъ киргизамъ орудія и средства, но это рѣшительно не пришло къ киргизамъ. Они выдумали, что хлѣбопашествомъ занимаются русскіе, отправляющіе рекрутскія повинности, и чтобы за сходство занятій не попасть подъ одну съ ними категорію, отказались отъ принятія ханскихъ даровъ и долговѣній. По случаю бѣдствій ханши Фатимы, покойный ханъ ѣздилъ на Пятигорскіе горячіе ключи. Туда забиралъ онъ съ собою до 70-ти человекъ киргизовъ почетныхъ и прислуги, которые ознакомились тамъ съ красивымъ черкесскимъ одѣяніемъ, съдельнымъ приборомъ и превосходнымъ оружіемъ. Все это не замедлило киргизы усвоить. Оттуда ханъ привозилъ сюда одного черкеса съ семействомъ, жена котораго обучала здѣшнихъ ковокъ черкесскаго галуна. Съ этого времени стала появляться у насъ серебряная работа подъ черному. Потомъ онъ высылалъ, къ Кавказу и изъ русскихъ заводовъ, хорошихъ жеребцовъ, которыми дарилъ усерднѣйшихъ и почетнѣйшихъ ордынцевъ. И въ улучшеніи породы лошадей и наблюдая ханъ Джангеръ оказалъ для ордъ великія услуги. Ханъ приглашалъ въ ставку и показывалъ киргизамъ трудную акробатическую гимнастику и вольтажеровъ. Это вмѣстѣ съ музыкальными инструментами органы и фортепiano, очень заняло киргизовъ и дало воображенію ихъ новое движеніе. Въ ставку, въ день именины и коронаціи государя, дѣлались величавыя фейерверки, что казалось киргизамъ чудомъ области сѣвѣдомаго міра. При ханѣ посѣщали ставку небольшіе звѣрники. У хана по-русски обучались и дочери. Я помню, что красивое ихъ писмо приносили въ школу вмѣсто прописи. Въ домѣ хана были поставлены бильярдъ, нѣмцы также русскій буфетъ, со всѣми принадлежностями лучшаго гастрономическаго стола. Прислужники были всѣ изъ киргизовъ, кромѣ одного татарина и русскаго: были у него и горничныя дѣвки изъ русскихъ. При немъ чрезвычайно учились и перемѣнились женскіе костюмы киргизокъ: онъ представлялъ среднее между русскими и татарскими одѣяніемъ женщинъ. Съ расширеніемъ предѣловъ знанія религіи и подъ влияніемъ татарскаго одной толкованія, у знатныхъ ордынцевъ появилось затворничество-женщины. Въ сущности же, по магометанскому закону, кочевые народы отъ затворничества избавляются. При такомъ господствѣ шариата, правителя магометанскаго вѣроисповѣданія, мullahы усилились значительно, образовали касту, стали входить въ разборъ мелкихъ споровъ и тяжбъ, и сдѣлались самыми безаппетными существами въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Кромѣ молель въ избыточные часы и обученія дѣтей, они и до сихъ поръ почти ни-

чего не дѣлають. Впрочемъ, прежде ихъ настоящаго усненія, они держались въ домѣ въ качестве домашнихъ слугъ, и отправляли въ то же время учительскую обязанность. Но тогда и они въ свою очередь обманывали киргизовъ. Такъ какъ большая часть изъ нихъ были изъ временнаго и безъ дозволенія начальства проживавшихъ татаръ, то эти странники сочинили молитвенники на узбекскихъ, но длинныхъ листахъ бумаги для ношенія въ особомъ мѣшечкѣ на шеѣ за синіей или на груди на пояскѣ чрезъ плечо, которые продавались киргизамъ каждый за одного 2-хъ одолагаго бараана. Это было совершенно тоже, что у западныхъ европейцевъ являлось подъ названіемъ индульгенцій. У насъ они назывались «бой-тумаръ». Имъ приписывалось освобождающее отъ грѣховъ свойство тому, кто будетъ или носить эту грамоту при себѣ, или кто прочтетъ ее хотя одинъ разъ въ жизни, или послушаетъ, какъ будетъ читать другой, или же, за неумѣніемъ читать, хотя разъ посмотритъ на тѣ молитвы, изукрашенные красными и желтыми чернилами. Но съ распространеніемъ знаній шариата эти грамоты потеряли прежнее уваженіе къ нимъ народа. Впрочемъ, и въ настоящее время еще кое гдѣ въ глухихъ мѣстахъ орды можно встрѣтить ихъ въ вышитыхъ золотомъ и серебромъ футлярахъ на синій или на груди киргизскихъ дѣлкахъ и молодыхъ парней. Но теперь они посѣщаются болѣе для украшенія. Я помню, какъ-то въ концѣ сороковыхъ годовъ они являлись въ печатномъ видѣ на изукрашенныхъ разными узорами листахъ бумаги и продавались по 30 и 40 к. сер. На этотъ разъ они особенныхъ приверженцевъ много найти не могли и въ настоящее время ихъ встрѣчаешь въ рѣдкихъ и то татарскихъ домахъ. Вообще татары всѣми эти и другими мѣшечничествами такъ много уронили себя, что ими совершенно пренебрегаютъ киргизы и не признають ихъ за людей. Кромѣ этого, они, еще по существующему гордому понятію о достоинствѣ народа, называютъ татаръ корпоухими рабами. Надобно замѣтить, что этими словами киргизы бранятся со всѣми людьми другой націи, и эта гордость и понятіе, мнѣ кажется, составлены и остались у нихъ со времени могущества монголовъ, когда, можетъ быть, вмѣстѣ съ ними киргизы, покоряя гонимые народы, обрѣзывали имъ уши и дѣлали ихъ рабами. Теперь конечно эти слова произносятся только по привычкѣ, а въ сущности потеряли значеніе и силу. Русскіе хотя въ нѣмѣ такъ же бранятъ киргизы, но въ душѣ очень хорошо убѣждены въ ихъ силѣ и могуществѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ толчковъ была еще одна и самая сильная это — торговля. Сначала предѣлы ея были очень ограничены. Киргизы продавали только скотину и покупали муку, самымъ грубымъ бумажнымъ издѣліямъ и юфть русскихъ,

бухарскіе и хиванскіе халаты и подушечковыя матеріи. Для покупки этой въ мѣста продажи отправлялись немногіе, большая часть оставалась въ аулахъ, прозвѣ «базарчѣи»^{*} привести къ нимъ нужное. Если же забѣжать въ аулъ какой нибудь торговецъ, то онъ обиралъ всѣхъ какъ ему вздумалось. Самимъ же киргизамъ бѣжать на базары, въ города и селенія, казалось самымъ труднымъ дѣломъ. Въ селеніяхъ киргизы такъ стѣснились, что возвращаясь домой торжествовали какъ воины послѣ победы, «по нѣсколькимъ днямъ отдыхали безъ саногоро». И домашніе, завидѣвъ издали возвращеніе базарчѣевъ, выбѣгали и младъ и старъ навстрѣчу имъ: жены тутъ пускались въ слезы, дѣти бросались на шею возвратившагося. Затѣмъ раздавался домашнимъ базарлыкъ «гостиница съ базара». Тогда была поговорка: три дня не спрашивай ума и совѣтовъ у того, кто былъ на базарѣ въ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ стенинскъ, являясь въ городъ, терялся отъ удивленія и смущенія при видѣ улицъ, домовъ, движенія людей и экипажей. Онъ старался скорѣе отыскать рынокъ, закупить, что необходимо, и скорѣе улизнуть въ отдаленный аулъ. Тогда и скота гоняли для продажи столько, сколько нужно было на покупку необходимыхъ вещей. Русскіе гуртовщики сами приѣзжали съ вожакомъ въ аулъ зажиточныхъ киргизовъ и едва уговаривали этихъ продать скота побольше. Рубитники, увидѣвъ русскихъ гостей, прятались за спины матерей отъ страха. Издали они высовывались смотрѣть на русскаго. Чашу, въ которой подавалась русскому пища, послѣ вымывали. Не могли они равнодушно видѣть странной, блокурыи цѣть лица, вылученные, какъ у Филина, голубые глаза, а торчащіе на головахъ клочки волосъ мочалыаго цвѣта имъ напоминали вѣдму и шайтановъ. Съ появленіемъ болѣешихъ потребностей въ русскихъ издѣліяхъ, въ особенности при ханѣ Джангерѣ, киргизы, преодолевъ страхъ и смущеніе отъ городской жизни, стали поневолѣ чаще и больше посѣщать селенія, ярмарки и города, сходясь тѣсно съ торговцами, вникать въ стоимость и качество товаровъ, учиться говорить по-русски хотя на столько, «чтобы можно было выразить хлѣба». Наконецъ, убѣдившись въ невозможности существовать безъ русскихъ производителей и произведеній, стали тѣсно сходясь съ русскими и дорожить ихъ знакомствомъ и доверіемъ: старались всегда оставаться исправными платящими долговъ; на случай займа не совершали никакихъ письменныхъ актовъ, и все-таки лѣтъ 45 были исправными плательщиками; только въ послѣднее время, нахватавшись татарскихъ уловокъ, многіе стали дѣлать проволокю въ уплатѣ; но случаи, въ которыхъ киргизы отказывались отъ долга, были чрезвычайно рѣдки. Ханъ видѣлъ, что торговцы, ски-

таясь съ товаромъ по степи, могутъ или вводить киргизовъ въ искушеніе, или обирать ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, видѣлъ также, какъ прешествуетъ движению торговли трудность посыланія киргизами осѣдлыхъ мѣстъ, потому для того, чтобы и въ этомъ тоже способствовать успѣху дѣла, сообразнымъ съ потребностями киргизовъ путемъ, учредить при своей ставкѣ два ярмарки въ годъ. Ярмарки эти, одна весной въ маѣ, другая осенью въ концѣ сентября, продолжались отъ 10 до 30 дней. Первая предполагалась для того, чтобы доставить обезпеченіе покупки на все лѣто; вторая—на всю зиму. Тутъ уже киргизы стали встрѣчать русскихъ, татаръ, армянъ и другихъ торговцевъ, хотя въ такомъ же множествѣ, какъ въ городахъ, но въ срединѣ степи, отчего стали свободнѣе всматриваться въ товаръ и торговлю. Мѣна почти прекратилась, а продавали скотъ на деньги и потомъ на нихъ стали покупать товаръ. На ярмарки начали являться безъ церемоній дикости и киргизки и киргизята. Открывшись также своего рода полезныя занятія для бѣдныхъ, которые проводили всю жизнь въ бѣдности отъ лѣни и бездѣлья. Однимъ словомъ, развернулася настоящая жизнь, оживленіа интересомъ каждого и разнообразнымъ движеніемъ и смѣшеніемъ народностей. Уже послѣ порядочной торговой сдѣлки киргизъ очень охотно сталъ пить и бѣтъ изъ одной чашки съ русскимъ, совершенно забывъ свое прескучное безразличіе. Торговля открыла, что у русскихъ меньше жадности къ барышамъ, чѣмъ у татаръ и армянъ. Послѣднимъ киргизы ни въ чемъ не вѣрять, во-первыхъ потому, что они сами заслужили это своимъ мошенничествомъ и обманомъ, во-вторыхъ, по-пословицѣ, что армянинъ обмануль чорта. Всматриваясь ближе и глубже въ торговлю, киргизы съ удивленіемъ увидѣли, что все ненужное для нихъ: кожи, шерсть и полость, у торгующихъ обращается въ деньги. Мы знаемъ не одного богача-торговца, который разжился отъ этихъ товаровъ. Являлось пониманіе, что, кромѣ приѣзжающихъ, есть также другіе торговцы, у которыхъ и товаръ дешевле и киргизскія произведенія принимаются дороже. Болѣе восприимчивые люди бросились туда съ цѣлю и собственноручной покупки и продажи и изъ торговыхъ разсчетовъ. Такъ, лѣтъ 15 гонать въ Оренбургъ, гдѣ выручаютъ денегъ въ полтора раза болѣе мѣстной продажи. Теперь всѣ ярмарки кругомъ орды верстъ на 900 извѣстны киргизамъ наперечетъ: всадъ они знаютъ и почти всегда выигрываютъ.

Р. С. Этихъ еще не конченъ мой очеркъ. Съ будущей почтой вы получите продолженіе. Извините за небрежность, т. е. нечитоту письма. Я пишу прямо на эти листы и стараюсь только передать вамъ предметъ вѣрно. Я буду очень радъ, если этии листками доставлю вамъ удовольствіе и если изложеніе ихъ вы найдете понятнымъ для себя.

* Отправляющийся на базаръ.